

АЛЕКСАНДР ОБРАЗЦОВ

БИБЛИОТЕКА
ДРАМАТУРГА. ЧАСТЬ 1

Александр Образцов

Библиотека драматурга. Часть 1

«Образцов Александр Алексеевич»

2017

Образцов А. А.

Библиотека драматурга. Часть 1 / А. А. Образцов —
«Образцов Александр Алексеевич», 2017

«Я начал писать пьесы двадцать пять лет назад совершенно случайно. И это в известной степени оправдывает меня в собственных глазах. Двадцать пять лет жизни, правда, уже не вернуть, а приобретенный опыт немногого стоит. И всё же. Я рискну дать несколько советов начинающим драматургам...»

© Образцов А. А., 2017

© Образцов Александр
Алексеевич, 2017

Содержание

Советы драматурга	5
Критика чистого разума	6
Евгений Онегин	8
Отцы и дети	11
Что делать	13
Детство Горького	16
Мать	18
Принц датский	20
Две дочери Лира	32
Действующие лица	32
Сцена 1.	33
Сцена 2.	36
Сцена 3.	42
Сцена 4.	43
Сцена 5.	44
Старосветские помещики. Шинель	48
Старосветские помещики	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Образцов

Библиотека драматурга. Часть 1

Советы драматурга

Я начал писать пьесы двадцать пять лет назад совершенно случайно. И это в известной степени оправдывает меня в собственных глазах.

Двадцать пять лет жизни, правда, уже не вернуть, а приобретенный опыт немногого стоит. И всё же. Я рискну дать несколько советов начинающим драматургам.

Совет первый. Ваши пьесы никому не нужны. Их и так слишком много. Если у вас есть хоть какое-то сомнение в том, начинать или не начинать, – не начинайте! Пишите прозу. Занимайтесь журналистикой. Стихи писать не посоветую, но – пишите стихи! Это хотя бы красиво до определенного возраста.

Совет второй. Если вы всё же написали пьесу, то никому её не показывайте. Можете говорить на каждом углу, что вы написали гениальную пьесу, но упаси вас Бог показать её кому-то!

Совет третий. Если вы всё же показали, не удержались, то уже через пять минут, ужаснувшись, догоните этого человека и вырвите пьесу из рук! Если догнать не удалось, умоляйте, требуйте возвращения по телефону, телеграфу – сразу, немедленно, как только представится такая возможность.

Совет четвертый. Если вашу пьесу кто-то надумал ставить, – не соглашайтесь на это. Грозите судом, заклиняйте памятью предков, попробуйте дать режиссеру по шее. Пишите анонимки на людей, занятых в спектакле.

Совет пятый. Если дело дошло до премьеры – не ходите. Даже если к вам на дом пришлют выпускницу театрального института на высоких каблуках и в высокой юбке. Напишите возмущённое письмо по поводу спектакля в городскую газету. Пусть это сделают все ваши друзья.

Совет шестой. Если пьеса всё же пошла широко, и на ваш счет в банке сыплются переводы со всех концов света – прочтите совет первый и придерживайтесь его до конца дней своих.

Критика чистого разума

В помещении находится Семен. Вбегает Кант.

Кант. Гегель, идите скорее сюда, он здесь!

Вбегает Гегель.

Гегель. Ах, вот он!

Кант. Удивительный экземпляр!.. Кто начнет? Может быть, вы?

Гегель. Я-то мог бы, конечно... теоретически.

Кант. Тогда начинайте.

Гегель. Лучше вы. Вы его нашли.

Кант. Ну, ладно. А вы подключитесь, если что.

Гегель. Конечно, подключусь. Не сомневайтесь.

Кант. Если я начну сомневаться в столь очевидных вещах, то на этого (*кивает на Семена*) мне уже просто времени не хватит.

Гегель. Между тем – время идёт. Начинайте.

Кант. Вряд ли я нуждаюсь в указаниях, когда мне начинать.

Гегель. Но когда-то начинать всё равно надо. Почему не начать по моему сигналу? Это то же самое, что и любой произвольно выбранный...

Кант. Нет, не то же самое! Нет!

Гегель. Хорошо. Начните без сигнала.

Кант. Похоже, что вы внутренне вздохнули от моего тупоумия.

Гегель. Нет, я не вздыхал.

Кант. Нет, вздохнули! От моего упрямства и тупоумия!

Гегель. Не вздыхал я, не вздыхал! Успокойтесь.

Кант. Я по глазам видел.

Гегель. Как же вы могли видеть, если я в черных очках?

Кант. Не может быть. Здесь этого не написано.

Гегель. А я их вытащил из кармана. Вот. Видите? Я складываю очки, засовываю их в футляр, а потом направляю в карман. А теперь повторяю эту операцию с начала специально для вас...

Кант. Вы с ума сошли, Гегель! Что вы несёте?!

Гегель....вынимаю футляр с очками из внутреннего кармана...

Кант(Семену.) Ты по-немецки говоришь?

Семен отрицательно качает головой.

Кант. А по-русски?

Семен снова качает головой.

Кант. А по-каковски ты говоришь, ёлки-моталки?

Семен. По латыни.

Кант. Вот замечательно! Есть кому выписать рецепт для Гегеля, сошедшего с ума!..

Гегель. В таком случае, выпиши и ему, этому кенигсбергскому барабашке!..

Семен садится за стол и выписывает философам по циклодолу.

Кант. Спасибо, любезный. Можешь идти.

Семен уходит. Кант и Гегель начинают скакать от радости.

Кант. Эх! Теперь бы еще талон на спички!

Гегель. И мы бы тогда где угодно могли поджигать костры!

Кант. Хоть в самой Месопотамии!

Гегель. Или в Исландии!

Кант. Стой.

Они замирают.

Кант. А как же быть с критикой чистого разума?

Пауза.

Гегель. А ну её к чертовой бабушке!

Евгений Онегин

Онегин и Татьяна.

Татьяна. Я вас любила... Я вас так любила!

Онегин. Пустое.

Татьяна. Нет! Как я вас любила... Я вас так любила!

Онегин. Пустое.

Татьяна. Боже! И этого человека я любила!.. Я его так любила!

Онегин. Пустое.

Татьяна (*в затруднении*). Да? Вы считаете? И я вас, действительно, любила?.. Но скажите мне – как? Как я вас любила?

Онегин молчит, делая себе маникюр.

Татьяна. Нет! Я вас не любила... Я вас не любила никак! Никак!

Рыдает.

Онегин. Пустое.

Входит Максим Максимыч.

Максим Максимыч. Виноват-с... В другой роман зарулил.

Уходит.

Татьяна. А где Ленский? (*Хлопает в ладоши.*) Ленский! Ленский! Да где же вы?.. (*Вполголоса.*) Ездит, ездит... Вы бы его на дуэль вызвали, что ли, для потехи. Слышите?.. (*Пауза.*) Евгений! (*Пауза.*) Евгений! Проснитесь!

Онегин просыпается.

Онегин. Чего?.. Пардон. Ночь не спал. (*Зевает.*) Ну, что там? Пора острить?.. Губернатор похож на сенбернара – ха-ха.

Татьяна. Ха-ха.

Онегин. Полицмейстер... Так... Нет, лучше с Адамом Смитом: Адам Смит – антисемит. Ха-ха-ха.

Татьяна. Ха.

Онегин. Да. Какая-то скука... В России скука, а за границу – денег нет.

Входит пьяный Ленский, тащит под руку Максим Максимыча.

Ленский. Входи! Да входи, я тебе говорю! Здесь будем пить!

Максим Максимыч. Я-с... Я-с – не могу... Нет-с!

Ленский. Знакомьтесь, господа, – мой друг, Максим Максимыч!.. Из другого... из другого романа... По с-соседству... Садись, друг! Гостем будешь...

Татьяна. Фи!.. Надо ж так нажраться. Вызови его на дуэль, Евгений!

Онегин. Пустое.

Шлифует ногти.

Ленский. Кто это меня... н-на дуэль? (*Онегину.*) Ты, что ли?

Онегин (*зевая*). Пустое.

Ленский (*Максим Максимычу*). А. Это ты, значит, в гости пришел, выпил на халяву – и теперь хочешь главного героя... кокнуть. У-у! Дай я тебя поцелую!

Целует Максима Максимыча.

Максим Максимыч. Мне пора... пора уходить-с... там, значит-с, на Военно-Грузинской дороге мой монолог, а потом я, пожалуй... да-с... потом можно... стопарик-с... в хорошей компании... Пардон – бегу!

Убегает.

Ленский. Пардон... Тот – пардон, этот – пардон... Любим мы, значит, засорять... Ну? Сто раз приглашать?

Татьяна. Не буду.

Ленский. Ну – не будешь, и чёрт с тобой... Эй! Сосед! Как там... (*Татьяне.*) Как его?..

Татьяна. Вы уже четыре раза познакомились.

Ленский. Двинский!.. Нет... Беломорский!.. Снова не то... Уралов! Архангельский! Корелов!

Онегин. Ну, чего? Чего вы орёте?

Ленский. Давай выпьем, Корелов. На брудершафт.

Онегин. Мы уже пили.

Ленский. Да? (*Задумывается.*) Нет, сегодня я такого не помню.

Онегин (*лениво*). Мы с вами четыре раза пили на брудершафт. Больше я с вами целоваться не буду.

Ленский. А! Это почему?

Онегин. Я не люблю с мужчинами целоваться.

Ленский. А... Понял. Тогда мы с тобой выпьем, а целовать будем её.

Онегин. Её?

Оборачивается, разглядывает Татьяну. Та делает скучающее лицо.

Онегин. Что ж... Разве что от скуки...

Ленский. Ну а от чего же? От чего я пью, друг? Только что от этой... с-самой... с-скуки...

Наливает. Влетает взмыленный Максим Максимыч.

Максим Максимыч. Не опоздал?.. Не люблю, знаете, если обещал-с... так обещал-с...

Ленский (*смотрит бутылку*). Нет, здесь на двоих рассчитано.

Максим Максимыч (*чуть не плача*). Как же-с?.. А я, так скать, бежал... Я, так скать, с человеком недоговорил... Вечно, так скать, попадаю в обман... Вы ж меня, мил сдарь, сами затащили в этот... роман-с!

Ленский. Ну что теперь? Ну, режь меня на части! А тут только на двоих... И то потому, что я один не употребляю. Так что – решайте.

Максим Максимыч. Нет, но это-с... как же так? Я, можно сказать, летел с предвкушением... вот этой капельки первой, когда она на язык... ах! Да я ж умру!

Онегин (*лениво*). Решать-то надо из троих.

Ленский. Как-как? Из троих?

Онегин. Из троих.

Ленский. И из меня в том числе?

Онегин. И из вас.

Ленский. Ловко. Нет, действительно, ловко! Человек приносит выпить – и его же от этого дела устраниют. Ну, Корелов! Виртуоз!

Онегин. В Европе это вопрос чести.

Ленский. В Европе! Ах, мы в Европе, оказывается, находимся! А это видел?

Показывает фигу.

Максим Максимыч. Мне б только капельку-с... Символически...

Онегин. А в России делается просто... (*достает из кармана наган, заглядывает в дуло*). Нам надо отобрать два человека. Так?

Ленский (*тупо*). Ну, так...

Онегин. Барабан рассчитан на шесть патронов. Мы убираем два. Вот, видите?

Ленский и Максим Максимыч внимательно смотрят, как Онегин вынимает два патрона.

Онегин. Затем крутим барабан – и испытываем судьбу. Прошу.

Подает наган Ленскому. Тот вначале с опаской, а потом со всё возрастающим азартом крутит барабан и застреливается.

Онегин. Ну, вот. Теперь честно. Моя очередь.

Крутит барабан и застреливается. Максим Максимыч берет наган, смотрит на бутылку, даже тянется к ней, но чувство долга пересиливает. Он, чисто формально крутив барабан, застреливается последним.

Татьяна. Ой! Тоже мне! Охломоны!.. Александр Сергеич! Они тут все застрелились! Что мне делать?.. Что?.. Нет, генерала здесь нет. Капитан какой-то... Ну, откуда я знаю, какой капитан? Пехотный!.. Ну, а мне что? Н-ну... Ну это же как-то... Да нет, я конечно, понимаю, вы пока подумайте... Но не очень долго! А то тут много, целая бутылка.

Садится и, заполняя пушкинскую паузу, долго, мучительно пьет без закуски.

Отцы и дети

Тургенев, напевая романс «Среди долины ровныя», в перчатках и зелёном комбинезоне, с марлевой повязкой, в шапочке стоит у операционного стола. На столе лежит человек громадного роста.

Тургенев (отходя от стола, сдирая перчатки и повязку). Принимай, Родина, трудовой подарок. (Открывает двери.) Прошу всех войти! Входите, господа. Присаживайтесь.

Входят Кирсанов, Аркадий, Одинцова. Садятся.

Тургенев. Итак, уважаемые, спешу обрадовать вас: впервые в истории литературы мною, Иваном Сергеевичем Тургеневым, был рождён положительный герой.

Аркадий (одновременно). Черт подери! Здорово!

Одинцова (одновременно, звучно, взволнованно). Это мужчина?

Кирсанов (одновременно). Проклятье...

Тургенев. Это мужчина, по происхождению попович, по фамилии...

Человек громадного роста (садится, скрежещающим басом). Базаров. Оп! (Ловит муху). Сейчас мы тебя поймём, муха, какая ты... (Берет оставленный Тургеневым скальпель, расчленяет муху. Бросает её трупик в кровавый таз) Настоящая...

Тяжело спрыгивает со стола. Подойдя к Тургеневу, вскрывает ему полость, с любопытством держит в руке печень, бросает её в таз. Ловко, при помощи зубила и молотка делает трепанацию черепа, бросает мозг Тургенева на весы марки «Мосмаш», весы зашкаливает, Базаров бросает гирьку на противовес, ждет, пока стрелка установится.

Базаров (оцепеневшим персонажам). Мировой рекорд. Подойди ко мне, Аркадий.

Аркадий. 3-3-3-за-а-а-а-ч-ч-ч-ч-ем?

Базаров. Вместе с дядей.

Аркадий. С-с-с кем?

Базаров. Тогда я подойду.

Аркадий выталкивает дядю, сам прячется за Одинцову.

Базаров (Кирсанову). Эксплуататор?

Кирсанов. Не только.

Базаров. Что ты мелешь, дурак?

Кирсанов. Я еще и палач, и убийца. А таких вурдалаков, как ты, мои предки жгли целыми деревнями.

Базаров. Эх, злодей. А ведь ты не настоящий?

Кирсанов. Это ты не настоящий. Тебя Тургенев придумал.

Базаров. Это я его придумал, а не он меня. Потому что, если бы он меня придумал, он бы Нобелевскую премию получил. А теперь я её получу. По естествознанию. Иди ко мне, эксплуататор.

Кирсанов. Изыди.

Базаров. Ну, тогда ты, Аркадий. Дядя не хочет.

Аркадий (из-за Одинцовой). А вот женщина здесь... очень женственная... Я тут в вырез посматриваю – и очень даже отвлекаюсь. Вы, Базаров, зря все вещи скальпелем про-

буете... обратите внимание, какие у неё волнообразные переходы... неужели рука поднимется... Базаров, вам лучше стремиться к Нобелевской премии по монументальному искусству, ей-богу!

Базаров. Таких премий не существует.

Аркадий. Безобразие какое! Мы подадим протест!

Базаров. Она немая?

Аркадий. Говорящая!

Щиплет Одинцову, та взвизгивает. Базаров улыбается медленной, грубой улыбкой, ложится у ног Одинцовой, смотрит вверх в её лицо.

Базаров. Женщина, роди меня обратно.

Всех персонажей засасывает во вскрытую полость Ивана Сергеевича Тургенева. Полость совершенно заживляется, как и череп. Мозг остается на весах.

Тургенев (вставая). Как долго я спал... Какой чудный мне приснился сю... сю... сю... (блует). Сю... сю... сю... (блует) сю... сю... сю... (снова блует). Ах, ничего мне не снилось во время сна! А только как бы поумнел!

Уходит.

Мозг начинает подпрыгивать на весах, как мячик, и, набрав необходимую прыгучесть, метко отправляет себя в таз.

Что делать

Сцена, представляющая собою Россию. Вера Павловна спит, сидя на стуле. Чернышевский ломает руки.

Чернышевский. Как скучно жить!.. Как жутко знать, что жить скучно!.. Как омерзительно, зная, что жутко знать, – тем не менее – жить, жить, жить!..

Вера Павловна издаёт носовой звук – очевидно, носоглотка западает в область пищевода.

Чернышевский. Гм!

Вера Павловна стихает.

Чернышевский. Верочка.

Вера Павловна издаёт тот же звук.

Чернышевский. Гм!

Вера Павловна стихает.

Чернышевский. Верочка.

Вера Павловна дергается, но тем не менее звук издаёт.

Чернышевский. Гм!

Вера Павловна стихает.

Чернышевский. Четвертый сон. Вот теперь порядок. (*Ходит по России взад-вперед*). Так для того ли разночинцы!.. рассохлые топтали... мгм... (*Орет.*) Виссарион!

Вбегает Белинский, жуя бородку.

Чернышевский. Не для того ли, говорю, разночинцы!..

Белинский. Рассохлые топтали сапоги!

Начинают хором скандировать эти две строки. Увлекаются, маршируют, покрывшись нездоровым румянцем.

Вера Павловна приоткрывает один глаз, с недоумением и ужасом оглядывая мучителей.

Чернышевский (*указывая пальцем*). Открыла глаз!

Белинский (*приблизив лицо к глазу Веры Павловны*). Закрыт.

Чернышевский. Открыла!

Белинский. Закрыт!

Чернышевский. Открыла!

Белинский. Закрыт! Закрыт! Закрыт!

Кусает Веру Павловну за ухо.

Чернышевский. Открыла! Открыла! Открыла!

Белинский. Спит.

Чернышевский. Вот теперь уснула. *(Берет Белинского под руку.)* Меня что в моей новой профессии привлекает, Виссарион...

Белинский. Григорьич.

Чернышевский....Григорьич, что меня привлекает – это то, что мои желания тут же исполняются. Захочу – уснет, захочу...

Шепчет на ухо. Белинский пытается вырвать руку, возмущён. Но дослушивает.

Белинский. Ну, молодежь...

Чернышевский. А что делать? *(Энергично шагает по России.)* Что делать, Виссарион?

Белинский. Григорьич.

Чернышевский. Спит нация, Виссарион! Спит! Видит сны золотые! Пора будить.

Белинский. Дай я тебя поцелую, Николай!

Чернышевский. Гаврилыч.

Белинский. Всё равно.

Целуются. Очень растроганы. Вбегает Добролюбов. За ним с сапожным ножичком гонится Писарев. Скрываются.

Белинский. Мне это не нравится. Крови не надо. Не надо крови! Слышишь?

Чернышевский. А что делать? Что?

Вера Павловна всхлипывает. Но тут же придает спящему лицу блаженное выражение.

Чернышевский. Я её все-таки убью в конце романа.

Белинский. Ты меня пугаешь, Николай. Это женщина.

Чернышевский. А что делать? Что? Подскажи.

Белинский. Надо... э-э... надо... надо критикам... критикам надо...

Чернышевский. Ну?..

Белинский. Надо критикам дачи построить!

Чернышевский. Дачи?.. Мгм. Зачем?

Белинский. Там хорошо.

Чернышевский. На даче-то?.. На даче хорошо...

Белинский. Тихо...

Чернышевский. Спать можно...

Белинский. Молочко...

Чернышевский. Рыбёшка там... на поплавочную удочку...

Белинский. Коровка мычит – му-у!..

Чернышевский. Собачка тявкает...

Белинский. И этот... пастух – щёлк бичом!

Чернышевский (*орет*). Так не построят нам дач при существующем режиме! Никогда!

Белинский. А что делать? Что?

Чернышевский. Будить пора! Будить всех! (*Подбегает к Вере Павловне, дергает её за руку, та падает со стула.*) Подъём!

Вбегает окровавленный Добролюбов, за ним Писарев.

Все хором. Подъём! Подъём!! Подъё-ём!!!

Вера Павловна (*поднимаясь с колен*). Можно я ещё немного посплю, Николай Гаврилович?

Веру Павловну разрывают на части.

Все хором (*размахивая частями Веры Павловны*). Подъём!

Детство Горького

*Алёша Пешков, дед Каширин, Цыганок и дядья.
Один из дядьев сечет Алёшу Пешкова. Тот злобно рыдает.*

Дед Каширин. Ты, Алексей, смирись... Смирись, говорю!

Цыганок. Да нешто так можно мальчонку-то? Делов, ёлки-моталки...

Дед Каширин. Тебе-то делов! Тебе – что? Он тебе, может, одному смолчит! А нас ославит!.. А-а! Дай-ка мне!

Забирает розги у одного из дядьев, потряхивает ими, настраивая руку.

Дед Каширин. Будешь писать?

Алёша Пешков (*сквозь рыдания*). Буду!

Дед Каширин. Ну, так – получай! Это тебе за Фому Гордеева! (*Сечёт.*) Это за Артамоновых! За Нила! За Ниловну! За песню о Буревестнике! За Данко!.. За... за... (*В затруднении, с поднятой розгой.*)

Алёша Пешков. За Клима Самгина!

Дед Каширин. На такую пакость розог жалко! А вот тебе – чтоб за тетками не подглядывал! Вот тебе – за Беломорканал!

Первый из дядьев (*солидно*). За первый съезд писателей.

Дед Каширин (*входя в раж*). За соцреализм! За переписку с Ролланом! За вклады в РСДРП! За историю фабрик и заводов!

Второй из дядьев. Всё равно опозорит. Только ещё хуже опишет. С этими... с пейзажами.

Дед Каширин (*застывает с поднятой рукой. Медленно опускает её.*). Опишет, сукин кот. А что ж делать?

Садятся, думают.

Алёша Пешков (*застегивает штаны*). Ваше дело неправое.

Уходит.

Первый из дядьев. Может, отнести его в мешке – да и не было никакого Горького, а один только Нижний Новгород?

Дед Каширин. Мешков на них на всех не напасёшься.

Горестно молчат.

Второй из дядьев. Думаю, надо ему пароход купить. Или фабрику каку-то. Может, успокоится.

Дед Каширин. А что? Давайте, робята, сбросимся!

Первый из дядьев. Подумат – испугались. Совсем озверееет.

Дед Каширин. Но что делать? Что?

Пауза.

Первый из дядьев. Надо Цыганка выпороть.

Цыганок *(он все это время смотрел через стекляшку на солнце, поворачивая её то так, то этак).* У! А меня за что?

Дед Каширин. Вот это верно! *(Вставая.)* Клади его!

Цыганка кладут на лавку и долго, до полной обессиленности, секут.

Алёша Пешков, устроившись с тетрадкой в кроне развесистого дерева, скрупулезно описывает вопли Цыганка.

Мать **пролетарская пьеса**

Железнодорожный вокзал. Ниловна разбрасывает прокламации.

Ниловна. Я сею!.. Я сею!.. Меня будут изучать в школе! Да здравствует первая русская революция! *(Пауза. Прокламации кончаются.)* Эй вы, царские палачи! *(Пауза.)* Я сею!.. Сею! *(Никого нет.)*

Ниловна растерянно топчется. Затем достает из-под юбки новую пачку прокламаций. Входит Горький в тюбетейке.

Ниловна. Зачем ты такое придумал, мил человек?

Горький. Молчи, тетка. Я тебя не для того создал, чтоб вякала.

Ниловна. Как же мне не вякать? Ты ж меня под юбку лезть заставил.

Горький. Ну? Что? Бомба там у тебя под юбкой, что ли? Тоже мне, недотрога. Или я к тебе под юбку лезу? Или сын твой, Павел?

Ниловна. Грех тебе говорить такое! Как рот твой такое вырыгнул! Рот твой поганый, средство Сатаны...

Горький. Надоела! Сгинь!

Ниловна *(уходя).* Я сею!.. Я сею!..

Уходит.

Горький. Сеет она... Это я сею. Я сею! Сею! Меня будут изучать в школе! Где вы, царские палачи?.. *(Пауза.)* Я сею! Сею!

Входят двое жандармов.

1 жандарм. Это ещё кто?

2 жандарм *(поднимая прокламацию).* Бомбист.

1 жандарм. Согласно приказа Министра внутренних дел господина Плеве бомбистов рубим на месте.

Выхватывают шашки, называемые в народе «селёдками». Всё же достаточно острые.

Горький. Стойте! Да стойте, я говорю! Это не я! Это она! Этого вообще нет! Это художественный вымысел!

1 жандарм. Руби его, Семенов.

Горький *(падая на колени).* Господа! Я состою в товарищеских отношениях с графом Львом Толстым! У меня пьесы идут во МХАТе! Меня будут изучать в школе! Ой! Что вы!..

2 жандарм рубит Горького по рукам. Руки падают. Жандармы бросают шашки в ножны.

1 жандарм. Ещё чего-нибудь напишешь – яйца отрежу. Пошли, Семенов.

*Уходят. Горький безуспешно пытается приладить руки на место, хватая их зубами.
Входит Ниловна.*

Ниловна. «Люди, львы, орлы и куропатки...» и т. д.

Принц датский

Премьера в театре Перекресток (Петербург)

Действующие лица

Клавдий
Гертруда
Гамлет
Горацио
Лаэрт
Офелия
Попугай
Солдат

На заднике сцены в стиле примитивистов широко, с размахом изображены мрачный Эльсинор, речка в зеленых берегах, синее море, парусник, Англия. На берегах Норвегии скопилось войско Фортинбраса, готовое к походу.

Подвешена клетка с попугаем.

Топот коня за сценой. Проносится мимо. Снова топот коня. Снова мимо. И опять топот.

Входит Гамлет, тяжело дыша.

Гамлет. Наконец, попал... Эй!.. Эй!.. Примите коня! И накормите его отборным овсом, иначе я за себя не ручаюсь!

Входит Горацио.

Горацио. Друг мой! Гамлет! Ты что шумишь?

Гамлет. Привет... Эй!.. Эй!..

Горацио. Ты знаешь, что твой отец...

Гамлет. Знаю. Эй!.. Эй!.. Или я уже не принц?!

Входит Офелия.

Офелия. Любезный принц...

Гамлет. О! (Горацио.) Кто это?

Горацио. Офелия.

Гамлет. Хороша. Эй!.. Эй!.. Да примет, наконец, кто-нибудь моего коня?!

Попугай. Принять коня!

Через сцену бежит солдат. Исчезает.

Гамлет. Не ищи правды там, где попугаи у власти.

Горацио записывает слова Гамлета в книжечку.

Гамлет (вырывая у него книжечку и выбрасывая за сцену). Собственный язык – главный доносчик. А ты, Горацио, доносчик номер два. Не лезь в услужение к вечности. Она берет только то, что ей не навязывают. (*Офелии.*) Когда ты успела так похорошеть?

Офелия. С утра.

Гамлет. А сколько у тебя зубов?

Офелия. Все.

Гамлет. А цветок девственности тебя не тревожит?

Офелия молча уходит.

Гамлет. Хороша, но дикая недотрога. (*Пауза.*) Расскажи мне, Горацио, но не так, как ты любишь рассказывать от начала к середине и к концу так, что жуть берет, а выхвати что-нибудь из... К примеру, как держала руки моя мать на второй день после смерти отца?

Горацио. Не помню... Помню губы и красные глаза.

Гамлет. А дядя? Где он был в это время? Что он говорил глазами?

Горацио. Он был чуть сзади, слева от нее. А глазами... как будто расчищал место перед нею.

Гамлет. А слухи?

Горацио. Ты их знаешь.

Гамлет. И ничего нового?

Горацио. Подробности, которым нет цены.

Гамлет. Да чего же ты витиеват, Горацио. В стремлении к лаконизму ты искажаешь смысл.

Попугай. Оба вы хороши!

Гамлет. Попка дурак.

Пауза.

Попугай. Пр-ровокация!

Гамлет (указывает головой). Единственный свидетель. Хоть голову отверни, не скажет ни слова. (*Пауза, кричит попугаю.*) «Я тебе перья вытащу и голым в Африку пушу!».. (*Пауза.*) В горе весь мир против тебя. Друзья неуклюжи и вредят, желая помочь. Враги бьют без промаха по открытой цели. А попугаи надуваются от важности и думают, что теперь всегда будут на первых ролях. (*Кричит попугаю.*) Я из тебя суп сварю!

Голос **Гертруды.** Гамлет. Сынок.

Гамлет. Уйди, Горацио. (*Горацио уходит.*) Да, мама.

Появляется Гертруда. У нее навсегда удивленные глаза.

Гертруда. С кем ты говорил?

Гамлет. С одним негодяем и с другим подпевалой, который сам себя позабыл.

Гертруда. Какая страшная весна, Гамлет.

Гамлет. В Бремене подошли все собаки. О людях я уже не говорю. Я видел, как люди на четвереньках грызли липовую кору. Это уже в Померании. Можно мне уйти?

Гертруда. Куда?

Гамлет. Да здесь крутилась одна... Разреши мне уйти!

Гертруда. Тебе... плохо со мной?

Гамлет. Мне плохо со мной. Прошу тебя.

Гертруда. Иди.

Гамлет уходит. Тут же входит Клавдий.

Клавдий. Ты снова убегаешь от меня.

Гертруда. Приехал Гамлет.

Клавдий. Да? *(Пауза.)* Он здоров?

Гертруда. Откуда я знаю. Даже когда он бил меня ногами изнутри, я не могла понять, почему он это делает. Какая страшная весна, Клавдий!

Клавдий. Обычная. Все пройдет, Гертруда. Все перемелется.

Гертруда. Разреши мне уйти.

Клавдий. Куда?

Гертруда. Не знаю... Мне здесь тесно.

Клавдий. Нам надо быть вместе. Это необходимо.

Гертруда. Я не понимаю этого. Не понимаю!

Клавдий. Надо подождать, пока укрепится власть. А потом одна крохотная война, снижение налогов и все забудут...

Гертруда *(кричит)*. О чем?

Клавдий. О том, что мы сделали.

Пауза.

Гертруда *(упавшим голосом)*. А что мы сделали?

Клавдий. О том, что мы сделали ради Дании и твоего шалопая.

Гертруда. Он не шалопай.

Клавдий. Пока он в университете увеличивал наш внешний долг и плодил незаконных наследников престола, я вынужден был, ты слышишь? вынужден был влезть в это ярмо и... получить титул братоубийцы! *(Кричит.)* А мне всегда была до лампочки эта королевская власть! Я люблю спать до двенадцати! Люблю вкусно поесть! Люблю бывать за границей! Но все эти привилегии присвоил твой сынок, а теперь примчался, чтобы судить меня! За что? Скажи ему, что его отец умер от удара, что он тоже любил много поесть!

Гертруда *(робко)*. Я скажу ему... если он спросит...

Клавдий. Спросит! Как же! Он спросит скорее... *(кивает на попугая)* у этого попугая! *(Тяжело дышит.)* А впрочем... если спросит, скажи ему... скажи – не знаю! Иначе он подумает, что это я тебя подговорил... Ты знаешь, Гертруда, что невозможно оправдаться только не виновному. Люди любят от скуки придумывать невиданные злодейства. *(Снова раздражается.)* Они думают, что королевство и ты – достаточный повод для... *(Рвет на себе волосы.)* Господи, ты слышишь меня?! Зачем мне эта мука?.. Ведь имеющий сотни женщин не станет идти ради одной из них на... это! Объевшийся властью не станет... не станет! если он к тому же любит спать до двенадцати и... *(садится на пол, обхватив голову руками)*.

Гертруда *(утешая его, гладит по плечу)*. Успокойся... я ему все расскажу... Не надо... Мне ведь самой... страшно... Знаешь, почему?.. Знаешь, почему я постоянно... скрываюсь? Потому что я... люблю тебя... Давно... Я привыкла к мысли, что никогда, ничего не будет... И мне этого хватало... что ж... А здесь вдруг все так чудесно сплелось. И мне страшно!.. как будто я сама... своими руками... Сюда идут!

Клавдий встает. Они уходят. Входят Гамлет и Лаэрт.

Гамлет...тогда ты отбиваешь его шпагу кинжалом и коротко, через руку, бьешь сюда... *(показывает на начало шеи)*. Один француз уложил таким образом двенадцать человек за полгода. И самое удивительное то, что все знали об этом трюке, но все равно попадались.

Лаэрт. У нас дуэли запрещены.

Гамлет. Они везде запрещены. Но как ты еще отомстишь обидчику? Иначе подлость превысит все пределы.

Лаэрт. Но проще не ссориться...

Гамлет. Идеализм. Представь, у тебя есть сестра...

Лаэрт. Есть...

Гамлет. ...и она кого-то полюбит. И они будут счастливы. А потом он...

Лаэрт. Кто?

Гамлет. Я говорю – представь себе! И потом он охладет. А она утопится с горя. Что ты сделаешь?

Лаэрт (медленно). Убью его.

Гамлет. За что?

Лаэрт (пауза). Не знаю.

Гамлет. Вот видишь. У вас здесь есть один парень, Горацио...

Лаэрт. Вы хотите сказать, что он!..

Гамлет (с досадой). Как ты глуп! Так вот этот Горацио очень доходчиво объяснит тебе поводы, причины, следствия и так далее. А мне это ужасно скучно. Ужасно!.. Так у тебя действительно есть сестра?

Лаэрт. Нет.

Гамлет (хлопает его по плечу). Тебе повезло!

Пауза.

Лаэрт. Мне можно уйти?

Гамлет (подталкивая его в спину). Вон туда. (Лаэрт, прямо держа спину, удаляется.) Редкий осел. Зачат наспех.

Попугай. Оба хороши!

Гамлет (замахивается). Ты мне еще будешь!.. Глас народный!.. (Пауза.)

Провинция... С детства меня тянуло отсюда... от этих... фамильных портретов!.. Убийство... Какое тут может быть убийство, если все они давно прокисли, а самый мыслящий человек, Горацио, способен только на комментарий?.. Видеть не могу его постную рожу, его унылые, ищущие глаза, эти жалкие глаза провинциала, не способного вскочить на коня и умчаться... в Венецию! в Лондон! в Париж! От своей мамы, или от какой-то там... О-фе-лии!.. А вот, кстати, и она.

Входит Офелия.

Гамлет. Какая внезапная неожиданность. Я произнес ваше имя и вы вошли. **Офелия** (приседая). Принц...

Гамлет. Да что вы заладили. Я, прежде всего, мужчина, а затем уже принц. А ваш брат сказал, что у него вас нет.

Офелия. Брат?

Гамлет. Да, брат, Лаэрт. Или у вас тоже нет брата?

Офелия. Вы как будто собираетесь перешутить самого себя. Простите.

Гамлет. А ты особенно не умничай. Начиталась книжек.

Офелия. Простите.

Гамлет. Садись (Садятся.) Ну, расскажи, как ты здесь скучаешь.

Офелия. Я не скучала.

Гамлет. Пока я не появился, ты не скучала. Понятно. Как тебе нравится Горацио?

Офелия. Никак.

Гамлет. А что ты знаешь о смерти моего отца?

Офелия молчит.

Гамлет. Своим молчанием ты подтверждаешь слухи.

Офелия. Я думаю.

Гамлет. Прости меня. Я слушаю.

Офелия. Я не верю слухам.

Гамлет *(вздыхнув)*. Я тоже не верю. Но мне не нравится этот скороспелый король. Ведь, в конце концов, есть законный наследник!

Офелия. О вас тоже... говорят.

Гамлет. Меня отставили... как мальчишку! А я, может быть, замыслил реформы! Может, я пол-Европы завоюю! Тем, что заставлю датчан плодиться, как кроликов! Вам нравится эта идея?

Офелия *(пауза)*. Вы не любили своего отца?

Гамлет. Я нормально любил. И люблю. Или ты думаешь, что я с первым встречным начну делиться своими страданиями?

Офелия. Простите.

Пауза.

Гамлет. Знаешь, как мне одиноко было с детства? Я всю жизнь мечтал, что у меня будет сестра... Что молчишь? *(Гладит ее волосы.)* Хочешь быть моей сестрой? У тебя хорошие глаза и глупый брат. Этот... Лаэрт.

Офелия *(тихо)*. Он меня любит.

Гамлет. Все мы в силках любви и долга. Ты знаешь, чего от меня ждут? *(Пауза.)* Так вот им! *(Показывает кукиши.)* Зрелищ им захотелось! Вот устрою пару сражений, тогда поймут, что такое быть участником, а не зрителем! Шакалы!

Входит Лаэрт со стороны, противоположной той, в которую вышел.

Гамлет *(Лаэрту)*. Я забыл тебя предупредить, чтобы ты не шел по прямой.

Какая погода в Австралии?

Лаэрт. Офелия!

Гамлет. Вы знакомы?

Лаэрт *(трагически)*. Принц, этого не будет!

Гамлет. Это моя сестра, Офелия. Вы знакомы, я спрашиваю?

Лаэрт. Это *моя* сестра.

Гамлет. И твоя тоже? Не смей меня, Лаэрт.

Лаэрт. Офелия!

Гамлет *(Офелии)*. По-моему, он ненормальный.

Лаэрт. Принц! Не заставляйте меня...

Гамлет. Утомил. *(Офелии.)* До свиданья, моя хорошая. И не думай так много. Это вредно.

Офелия, поднявшись, делает книксен. Лаэрт, защищая ее спиной, уходит следом за ней.

Гамлет (*встает, подходит к клетке*). Ну что, попка? Врежь-ка чего-нибудь, чтоб я закачался. Молчишь?.. Глупая птица.

Попугай. От дурака слышу.

Гамлет. Ну, ну? А может, ты мне скажешь, как все это было?

Попугай. Отр-рава!

Гамлет вздрагивает.

Гамлет. Ну, продолжай. Еще немного и я поверю...

Попугай. Не повер-ришь!

Гамлет. Да ведь это я тебе все строю, дурак! (*Вполголоса.*) Чокнуться можно...

Уходит.

Входит Горацио.

Горацио. Надменный!.. Он думает, что только в Италии и в Париже настоящая жизнь! А мы здесь, видите ли, ползаем, как букашки! Нас и не видно! Серая масса!.. (*Ходит в раздражении.*) Однако в нем есть эта... быстрота, лихорадка. Он быстро считает... Но просчитается! Ничто в природе не вызревает слишком быстро. Дуб растет медленно, но долго живет и становится родным, как дом... Мне двадцать пять лет, мы ровесники, а я кажусь мальчишкой рядом с ним... или стариком... Никак не впрыгнуть в один возраст... Он играет! Путаet!.. (*Смеется.*) Он даже не понял, как я подыграл ему с этой книжечкой, с записью мудрой мысли! Ведь это же масонский знак, жест понимания!.. Как его швыряет из иронии в трагизм. Актер...

Входит Офелия. Она не замечает Горацио.

Офелия. Из чего это возникает?.. Он оскорбляет меня, а я тянусь снова и снова, как будто это грубая ласка... он смотрит мне в глаза и я готова плакать от счастья, мне кажется, что он берет меня взглядом... Его лицо перед глазами и я ищу возможность, чтобы совместить изображения, какая это мука! Как будто меня разрывает на части от его двойного существования... Я веду себя глупо, глупо, глупо! Я должна была убежать от него, как только почувствовала первый внимательный взгляд. Это же арифметика... Пока не сгорю...

Садится, уныло смотрит перед собой.

Горацио. Офелия. (*Она вздрагивает.*) Это я.

Офелия. А... Это ты.

Горацио. Это плохо кончится.

Офелия. Ты старик.

Горацио. А ты дура.

Офелия. Нет, я не дура. Я сумасшедшая.

Горацио. Почему я не настоял на свадьбе месяц назад? Ведь это зависело только от меня. Почему-то решил подождать весны... Ты думаешь, нами кто-то управляет?

Офелия. Не знаю... Как только что-то совпадает, мы ищем связь. А если не совпадает, то забываем об этом.

Горацио. Что же нам делать?

Офелия. Не заводись. Уйди. Ты же видишь, что я сошла с ума.

Горацио. А если у тебя будет ребенок от меня?

Офелия (*кричит*). Нет!

Горацио. Один ребенок тебя образумит.

Офелия. Я убью его! И себя!

Горацио (*становится перед нею на колени*). Прости меня. Ради бога. Прости.

Офелия. За что?

Горацио. За то, что... За то, что не удержал тебя... За то, что у нас... было как у всех... За то, что... ты не можешь от меня освободиться... Прости... (*Пауза, кричит.*) Прости же! Прости!

Пауза.

Офелия (*сухо*). Нет.

Горацио. Зачем ты и меня тянешь за собой?

Офелия. Не знаю. (*Быстро.*) Прощаю. Все. Уйди.

Горацио медленно уходит.

По сцене проходит солдат, стуча в барабан. Следом идет задумчивый Клавдий. Офелия поспешно встает, приседает.

Клавдий (*кивнув, хочет пройти, затем останавливается.*) У вас ко мне дело?

Офелия. Да, ваше величество.

Клавдий (*равнодушно*). Слушаю. (*Пауза.*) Я сказал – слушаю.

Офелия. Я... о Гамлете.

Клавдий. Что?... А вы-то здесь... с какой стати?

Офелия. Вы не помните меня? Я – Офелия.

Клавдий. Ну и что? Если вы ждете от него ребенка... Не успел прискакать... Насколько мне известно, он предпочитает брюнеток.

Офелия. У вас просто фамильное хамство. Простите.

Клавдий (*с интересом оглядывая ее*). А! Вспомнил. Вспомнил... Маленькая отличница. Надо бы тебя, конечно, в университет отправить... Это по хорошему-то... Была бы ты парнем... Хм. Как-то глупо природа распоряжается. Издевательски. Мне вот, например, надо было родиться девчонкой. Я люблю семейную жизнь, вечера у камина, детей... А вот... женился на пятом десятке... И как-то глупо, непонятно, из чувства долга. Ты знаешь, как это бывает? Садись... садись, садись!.. (*Офелия садится.*) Вначале кажется, что это единственный, единственно возможный шаг. А потом, когда этот шаг сделан, вдруг представление об этом поворачивается изнанкой. И то, что было искренне, хорошо, чисто, становится двусмысленно и обрастает грязью. Зарождаются слухи. Анекдоты ползут, как тараканы, из всех щелей. Что ты думаешь по поводу анекдотов?

Офелия. Думаю, что это единственное, что позволяет уважать...

Клавдий. Уважать?! Их?! Да ты с ума сошла! За что их уважать? Это... стадо! Они пойдут под нож, все! – если им пообещать, что один из десяти спасется! Они будут ползать ради этого в пыли у твоих ног, продавать отца, мать, братьев и сестер! Да что там! Ты когда-нибудь бросала деньги в толпу? Ты когда-нибудь видела, как грызутся собаки, а вокруг стоят *они* и жадно смотрят? Ты знаешь, как они глумятся над слабыми? Как беззаветно преданы тиранам? Уважать... Это выдумки книжников, таких же рабов!..

Офелия. Вы не правы.

Клавдий. Я прав! Я прав потому, что сам могу топтать! Но я не рожден для власти... (*Пауза.*) О чем мы?

Офелия. Гамлет...

Клавдий. А, Гамлет! Снизвошедший до нас Гамлет. Слушаю.

Офелия. Пусть он уедет.

Клавдий. Куда? Он уже приехал. Он уже здесь. А ты-то при чем? Или ты пытаешься предотвратить катастрофу? Маленькая заступница. Тебе всех жалко, да?

Офелия. Я люблю его.

Клавдий (*отвернувшись*). Бедная.

Офелия. Почему вы сами не развяжете этот узел, пока еще он не затянулся намертво? Зачем вы сами ползете в пропасть?

Клавдий. А ты?

Офелия. Я?.. Я... Кто я? Бабочка, прилетевшая на свет... Мне он нужен живой, где угодно. Живой.

Клавдий (*вставая*). Ну, так и делай с ним что-то! Делай! А если не можешь, не путайся под ногами. Прощай.

Уходит.

Офелия (*восхищенно*). Делай!.. Ну да! Ведь сколько радости может быть от игры!.. (*Приподнимает платье, опускает его.*) Что я – бедная Маша? Хромоножка? Синий чулок? У меня вялая кожа? Или тусклые волосы? Может быть, мои губы знают только молитвы? Или это не меня обожали, не мне писали записки, умоляли о встрече?.. Проклятый Горацио с его умствованиями! С рефлексией! Эмансипацией! С его диалогом равных!.. Но ничего... Я еще женщина, слава богу!

Высоко подняв голову, быстро уходит.

Попугай. Кр-роме того!

Входит солдат, бьет в барабан.

Попугай. Стой! Р-раз-два.

Солдат стоит, не решаясь повернуть головы. Косит взглядом. Вокруг – никого. Подходит к клетке, сует туда палец. Попугай клюет его. Солдат, рассвирепев, палочкой пытается достать его.

Солдат. Гаденыш... Еще и этот издевается... Сейчас я тебя... Сейчас ты у меня... запоешь...

Замечает приближающегося Лаэрта, вытягивается во фронт, бьет в барабан, делает вокруг клетки два круга, уходит.

С другой стороны входит Горацио. Заметив Лаэтра, хочет уйти, но – поздно.

Лаэрт. Горацио!

Горацио (*подходит*). Да.

Лаэрт. Ты что-нибудь понимаешь?

Горацио. Что?

Лаэрт. Я ничего не понимаю.

Горацио. О чем ты?

Лаэрт (*тихо, с волнением*). Я – дворянин, а он разговаривает со мной, как с последним вассалом... Он оскорбляет меня, а я не понимаю – как!.. Он сеет вокруг смятение, мне кажется, что он (*оглянувшись, шепотом*) одержим бесами!

Горацио. Успокойся, Лаэрт. Ему просто скучно с нами и он забавляется, как может. На то он и принц.

Лаэрт. Но разве можно шутить, говоря о сестре? Я убью любого, кто посягнет!.. Я разрублю его на мелкие куски!.. Пусть он только посмеет!..

Горацио (*поёжившись*). Успокойся, Лаэрт. Ей не двенадцать лет.

Лаэрт. Она всему верит! Читает – и верит тому, что в книге! То поет целый день и говорит, что будет жить вечно, а то вдруг говорит, что видит себя на дне... И этот! И он так сказал! Я чувствую удавку на шее, Горацио!

Горацио. Успокойся, Лаэрт...

Лаэрт. У меня нет никого, кроме нее! И у нее нет никого! Нам отмерено поровну!

Входит Гертруда.

Горацио (*с облегчением*). Ваше величество...

Гертруда. Я вас искала! Отойдемте...

Лаэрт, очнувшись от страшного видения, растерянно смотрит им вслед. Его вдруг становится так пронзительно жаль, что Гертруда и Горацио, обернувшись, не могут отвести от него взгляда, пока он не уходит.

Гертруда. Бывают такие просители, прорвутся через конвой и тянутся губами к руке... и не поймешь, то ли он хочет убить тебя, то ли сам готов умереть по твоему знаку... Вы дружили с Гамлетом. Что он?..

Горацио. Что-то случилось?

Гертруда. А что должно случиться?

Горацио. Но вы спросили...

Гертруда. Нет, ничего не случилось. Но я не понимаю, почему с его приездом везде появилась тревога... Она заглядывает в окна, когда ты смотришь на море... Она в углу комнаты, за плечом, когда ты ужинаешь... От ее взгляда просыпаешься ночью... Что он думает об этом?

Горацио. О... чем?

Гертруда. О смерти отца?

Горацио. Он считает... (*Пауза.*) Не знаю. Мне кажется, что он не принимает всерьез нашу жизнь. И поэтому он больший провинциал, чем был. Ему надо внушить, что мы не куклы, не марионетки, а настоящие люди, что с нами после кровопролития уже не выпьешь вина, не похлопаешь по плечу, и наши черепа не годятся для философских бесед, потому что они не хотят скалиться раньше срока!

Гертруда. А что вы думаете о... об этом?

Горацио. Всякие слухи умирают тотчас, как только их перестают бояться.

Гертруда. Но в том-то и дело, что вначале возникли слухи. К тому же и страха нет, скорее недоумение...

Горацио. В таком случае надо... переждать...

Гертруда. Но что происходит?! Объясните!

Горацио. Какая-то пружина... начала сжиматься. И пока все, что делается, работает на сжатие. Надо разъехаться! (*Опускается на колени.*) Я прошу вас, ваше величество! отправьте куда-нибудь Офелию!

Гертруда. А... что? у них?..

Горацио (*горячо*). Я не знаю, что у них, но вокруг уже возникли чудовищные подозрения, мнительность, вина укрупнилась, а требования непомерно возросли! Отправьте ее, умоляю!

Гертруда. Но если он увлекся... что ж... Пусть... пусть женится, в конце концов, и едет! В Англию! В Геную! В Константинополь!

Быстро уходит.

Горацио стоит на коленях, опустив голову. Затем с выражением крайней усталости поднимается и уходит.

В медленном испанском танце входят Гамлет и Офелия. Они танцуют долго, сдержанно.

Гамлет (*опускаясь на колени, обводит ее вокруг себя, встает*). Ничего, сестричка... славно... (*Смотрит на нее в упор.*) Ишь, даже глаза потемнели.

Офелия. Для вас.

Гамлет (*отводя взгляд*). Чтоб женщина сломала взгляд...

Офелия. Вы, кажется, заговорили стихами?

Гамлет. А вас это... А тебе-то что? (*Отходит к краю сцены, отвернувшись, глухо.*)
Считай, что я тобой увлекся.

Офелия. Но не так ведь безрассудно, как я?

Гамлет (*не оборачиваясь*). Почему я робею?

Офелия. Но не до помертвения же?

Гамлет (*не оборачиваясь*). Я хочу быть первым у тебя. (*Пауза.*) Ты слышишь? (*Пауза.*)
Наконец я вогнал тебя в краску. (*Офелия бледна.*) Я всегда буду первым у тебя, до самой смерти.

Офелия уходит.

Гамлет (*не оборачиваясь*). Отжигаю я тень твою, милая, на живом. Столько лет ты со мною, как пленница. Не отдать мне долгов своих, и измен не развеять. За морями, за сказками синими, темно-русая, красный ветер в малиновом поле желтизну расставанья проносит... О, тесовые крыши! Он к вам забредает с рассветом. О, туманы! Развивает озер покрывала. О, кузнечика стрекот! Земляничные трогает травы. Темно-русая, с сердцем поляны...

Входит Лаэрт, Гертруда и Клавдий.

Лаэрт. Как ты сказал, так и случилось.

Закрывает клетку с попугаем черным платком. Клавдий и Гертруда испуганно, быстро отходят в угол сцены. Гамлет оборачивается к Лаэрту, раздумывает с минуту.

Гамлет (*торжественно, играя*). Так значит... что-то было? Кровь... тянет кровь... Ведь не простая прихоть толпы в амфитеатре... Об этом унизительно подумать, чтобы аптекарь, булочник, батрак смотрели представление, как боги... Масштаб не тот. И для таких трагедий мы мелковаты, Лаэрт! (*Гертруде и Клавдию.*) Вы чего испугались? Ведь глупость, попугай, Горацио, не больше. Все слишком сцеплено, чтобы быть правдой. (*Смеется.*) Ну и лица! Здесь готовится заклание агнца, по меньшей мере. (*Счастливо вздохнув.*) Она меня

помирила с миром. Ты хороший парень, Лаэрт. Даже глупость в тебе симпатична. Дай руку. Брат.

Лаэрт (спокойно, твердо). Так и случилось, принц. Она мертва.

Гамлет. Что за черный юмор? С этим не шутят, кретин!

Лаэрт (подавая ему шпагу). Возьмите шпагу. Одна из них отравлена. Не знаю, чего я хочу больше – вашей или своей смерти.

Гамлет (машинально берет шпагу, тут же отбрасывает ее). Тебе морду набить мало, братец. *(Кричит.)* Что за маскарад, я спрашиваю? Мама?

Гертруда. Почему я не послушала Горацио?

Гамлет. И этот... недотепа! Где он? Может быть, он объяснит?.. Где моя невеста? Где Офелия?

Гертруда (Клавдию). Он болен...

Клавдий (Гертруде). Скажи ему, что умер от удара...

Гертруда. Сейчас?..

Клавдий. Сейчас!.. Как хочешь. Я не знаю!

Гамлет. Она вот здесь стояла. Только что. И мы готовились к любви. Я отвернулся, потому что мне было невыразимо сладко... еще и на нее смотреть... Сердце распустилось и вся душа расплавилась как в тигле и выжгло шлак из всех ее окраин... Она бы посмеялась над слогом... *(Ошеломлён.)* Она бы... Что я сказал? «Она бы посмеялась...» Где она? *(Хватает Лаэрта за руку.)* Где она? Она только что была здесь! Минуту назад! Лаэрт!

Лаэрт (высвобождаясь). Ее искали три дня. Держите шпагу.

Гамлет берет шпагу.

Лаэрт. Можете пользоваться тем приемом, тем ударом через руку. Это вас не спасет.

Становятся в боевую стойку.

Гамлет. Я тебя просто отхлещу.

Дерутся.

Гертруда. Гамлет, это просто недоразумение!

Гамлет (Лаэрту). Стой! *(Гертруде.)* Я знал, мама! Ну, говори!

Гертруда. Он умер от удара! Клянусь любовью!

Пауза.

Гамлет. Любовью... Она действительно утонула?

Гертруда. Да.

Гамлет (медленно). Зачем вы еще и ее убили?

Клавдий (уходя). Он болен!..

Гамлет нагоняет его за сценой. Через минуту возвращается, вытирает клинок черным платком, сдернутым с клетки. Молча начинает драться с Лаэртом. Гертруда медленно проходит между ними. Они ее пропускают. Она уходит туда, куда ушел Клавдий.

Гамлет и Лаэрт молча, ожесточенно бьются с безумными лицами. Схватка удаляется за кулисы. Постепенно стихает вдали. Слышатся два вскрика, один за другим...

Входит Горацио.

Горацио (*трет лоб пальцами, бормочет*). Какая-то пружина...

Уходит.

Входит солдат с барабаном, делает два круга вокруг клетки с попугаем. Клетка медленно идет вверх, солдат торжественно бьет в барабан.

Две дочери Лира *По теме У.Шекспира*

Действующие лица

Лир
Гонерилья
Регана
Эдмунд
Мальборо
Шут

Сцена 1.

Король Лир и Шут между небом и землей: ревет буря, гнутся стволы деревьев. Им холодно, одиноко, ветер рвет одежду.

Шут. Дяденька! Мне страшно!

Лир. Молчи.

Шут. Молчать уже поздно.

Лир. Молчать никогда не поздно, пока есть с кем.

Шут. С кем? Со мной?

Лир. Кто ты? **Шут.** Кто я? Обманутый отец. Нам есть о чем молчать.

Шут. Такое молчание разорвет меня изнутри.

Лир. Дуйте, ветры! Тучи, несите злобу! Леса! Кувыркайте птиц! Встанем за этот дуб. Перетерпим бешенство природы.

Шут. Она больна.

Лир. Одна моя дочь больна. Вторая безумна. А третья любима.

Шут. Третьей всегда не хватает.

Лир. Какой холод.

Шут. Здесь не больше мили до дома Мальборо.

Лир. Когда я был королем, я помнил только о том, сколько я дал. Теперь я с содроганием вспоминаю, сколько взял. И у кого. У Мальборо я брал солдат и лошадей. Я взял у него двух сыновей для войны. Оба они погибли в Уэльсе.

Шут. Ты король. Ты не должен жалеть.

Лир. Я не жалею.

Шут. Да, у меня зуб на зуб не попадает.

Лир. Надо идти.

Шут. Твоя дочь не разрешила тебе даже слуг. Они поставили бы шатер.

Лир. Она больна.

Шут. Она шлюха.

Лир. Она взяла себе слишком много воли... Как ты назвал мою дочь?

Шут. Так и назвал.

Лир. У меня еще хватит сил отрубить тебе язык.

Шут. А себе?

Лир. Гонерилья с детства такая. Я думал, что порядочный муж...

Шут. Порядочный член ее смирит, а не порядочный муж!

Лир. Вот и верь людям...

Шут. Этот выблядок Эдмунд весь как жало! Он жалит женщин, он их бьет, как мух!

Лир. Ты знаешь, что такое чирей?

Шут. Мне ли не знать.

Лир. Чирей может появиться на шее. Это неудобно. Может появиться на заднице. Это мешает ходить. А может появиться под носом. Это позорно.

Шут. Да, чирей под носом... Это ты верно заметил.

Лир. И ты сам не знаешь, почему чирей выбрал тебя. И сел туда, куда сел.

Шут. Ничего случайно не бывает.

Лир. Ну?.. Что молчишь?

Шут. Ты сам знаешь.

Лир. Если и ты это знаешь, то мне досталось поделом... Ну?

Шут. Ну что «ну»? Что «ну»? Почему за ум достаются одни колотушки?

Лир. Если ты угадаешь, я дам хлебнуть тебе пива.

Шут. Я не угадываю. Если жить по угадке, рано голову потеряешь.

Лир. С разговорами пиво превращается в мочу.

Шут. Понятно. Ты не смог сделать себе сына – и всё тут.

Пауза.

Лир. Держи.

Шут пьет.

Лир. А почему рождаются только дочери?

Шут. А назло.

Лир. И кто это назло делает?

Шут. Боги, кто еще.

Лир. А зачем?

Шут. Чтоб не выебывался.

Лир. Ты как к богам относишься?

Шут. Как и они ко мне.

Лир. Это их право.

Шут. И у меня такое.

Лир. Они тебя создали, дурак.

Шут. Значит, они хотят, чтобы я им противоречил.

Лир. А когда ты им надоешь, они тебя выкинут на помойку.

Шут. Тем самым покажут себя дураками: зачем изготавливать лишние вещи?

Лир. Держи еще.

Подает бурдюк. Шут пьет.

Лир. Что-то в моей истории забрезжило. Может, тебе голоса бывают?

Шут. Только один: жрать хочу.

Лир. Регана – бесноватая.

Шут. Вся в тебя.

Лир. Если не обоснуешь – точно побью.

Шут. Отдать двум бабам королевство, да еще разодрав его на части... Продолжать?

Лир. Продолжай.

Шут. Отдать им солдат, печать, дворцы и всех людей... Продолжать?

Лир. Продолжай.

Шут. И ждать, что на тебя за это станут молиться... Ты чем думал, когда распоряжался? Наверно, задницей.

Лир (*дает Шуту затрецину*). На этот раз – заслужил.

Шут (*вопит*). За что?! Ты же умный человек!

Лир. Я старый. Мне уже ничего не нужно.

Шут. А зачем бьешь меня?

Лир. Привык.

Шут. Вот так... хороши привычки.

Лир. Я думал о любви. Любовь дочерей к отцу самая сильная. Я заблуждался. Только третья меня полюбит.

Шут. Какая третья?

Лир. Корделия.

Шут. Откуда она взялась? Я не упомню.

Лир. Я ее так зову.

Шут. Давай-ка двигаться. Иначе еще до того, как мы замерзнем, чокнемся.

Идут.

Сцена 2.

Дворец Мальборо. В покоях Гонерилья и Эдмунд.

Гонерилья. Сукин сын!

Эдмунд. Ты о ком?

Гонерилья. Этот Мальборо ведет себя нагло!

Эдмунд. Я бы тоже так себя вел.

Гонерилья. Ты? Ты в своем уме? Он мой подданный!

Эдмунд. Был.

Гонерилья. Я скажу Регане, она его повесит!

Эдмунд. Мы сюда не за этим прискакали.

Гонерилья. А зачем? Это ты так решил.

Эдмунд. Я не могу решать, ваше величество. Я никто. Выблядок.

Гонерилья. Ладно, Эдмунд. Что ты говоришь. Ты мой любовник. Самый сладкий. Возьми меня здесь. Хоть на этом столе.

Эдмунд. Лучше стоя.

Гонерилья. Когда ты только говоришь так, у меня все начинает чесаться.

Эдмунд. Я задеру тебе юбки на голову.

Гонерилья. Еще.

Эдмунд. Укушу тебя за задницу.

Гонерилья. Еще.

Эдмунд. И тут войдет твоя сестра.

Гонерилья. Откуда она здесь? Мы ее не предупреждали.

Эдмунд. Ее не надо предупреждать. Она всё знает.

Гонерилья. Что она может знать? Откуда?

Эдмунд. От твоих слуг.

Гонерилья. Ну? Говори.

Эдмунд. Я потом тебе скажу. Королевский кортеж движется слишком медленно. Всадник со сменной лошастью опередил нас на сутки.

Гонерилья. Ты думаешь, и Мальборо предупрежден?

Эдмунд. А зачем ему иначе называться сукиным сыном?

Гонерилья. Та-ак. Значит, она платит кому-то из слуг? Кому?

Эдмунд. Когда мы вернемся, я узнаю точнее.

Гонерилья. И кто за этим стоит?.. Говори.

Эдмунд. Твой отец.

Гонерилья. Чепуха. Зачем было отдавать власть? Чтобы снова за нее сражаться? Ты глуп, Эдмунд.

Эдмунд. Как будет угодно.

Гонерилья. Говори. Я жду.

Эдмунд. Ты старшая. И должна была наследовать всё.

Гонерилья. Черт. Черт. Дьявол!

Эдмунд. Надеюсь, это не ко мне.

Гонерилья. Возьми меня сейчас же! Когда ты жалишь меня, во мне рождается сила! Давай!

Эдмунд. Кто-то идет.

Гонерилья. Прикажу отрубить ему голову.

Эдмунд. Шаги стихли. Он слушает за дверью.

Гонерилья. Открой.

Эдмунд подходит к двери и распахивает ее. Там Мальборо.

Эдмунд. Какие-нибудь новости?

Мальборо. Король Лир и его шут. Внизу.

Гонерилья. Откуда они? Без свиты?

Мальборо. Оба продрогли. Им дали грога.

Гонерилья. Они что, лакеи, чтобы пить грог на кухне? Мальборо, ты забыл своих хозяев.

Мальборо. Хозяева не бегают по лесу.

Гонерилья. Ты ведешь себя слишком смело. Хотя ты стар. Одно из двух: или ты лишился рассудка, или... Или?

Мальборо. Я стар. Но с годами начинаешь относиться к себе с уважением.

Эдмунд. А жить хочется всегда.

Мальборо. Мадам, урезоньте этого выблядка или я спущу на него собак.

Гонерилья. Мальборо, неужели ты думаешь, что моей сестре твоя голова дороже своей семьи? Даже свой пес для короля роднее Мальборо.

Мальборо. Король Лир никогда так не думал.

Эдмунд. Он лишил тебя сыновей.

Мальборо. Мои сыновья честно сражались и погибли честно. Не надо было тебе этого говорить.

Гонерилья. Единственное, что я попрошу у своей сестры – это твою голову.

Мальборо. Вы мои гости. Но я едва сдерживаюсь.

Эдмунд. Это мы едва сдерживаемся.

Мальборо. Мы?.. С каких пор всякий выблядок говорит о себе во множественном числе?

Гонерилья. Хватит! Пусть отец войдет.

Мальборо уходит.

Эдмунд. Здесь не так просто всё. Не так просто.

Гонерилья. Ты не должен говорить с ними. Молчи. Лучше я повторю твои слова.

Эдмунд. Может быть, меня спрятать?

Гонерилья. Я хотела сказать – тебе не время говорить. Пока не время.

Эдмунд. Пока мой член тебе мил.

Гонерилья. Я люблю тебя всего. Даже когда ты ненавидишь весь мир. И особенно тогда. Как будто мы мстим за унижения. Ты и я. Мы как воины стоим спина к спине.

Эдмунд. Они идут.

Входят Лир и Шут.

Гонерилья. Отец! Зачем ты ушел? Ты видишь, мы бросились тебе вслед.

Лир. Сначала ты сократила мою свиту наполовину. Потом еще пополам. Я не стал ждать, пока меня самого располосуют.

Гонерилья. Твои люди пили и кричали по ночам...

Лир. Ах, так. Значит, они вели себя безнравственно?

Гонерилья. Не в том дело. Когда одним позволено, а остальным нет...

Лир. Если бы они пили молча, можно было упрекнуть их в том, что они при этом думают. Конец один.

Гонерилья. Ты сам отдал нам власть.

Лир. Я отдал власть своим малышам. Но я не знал, что у них за их губками выросли клыки.

Гонерилья. Отец!..

Лир. Но у меня есть третья, которая меня любит без слов.

Гонерилья. Третья? Что ты имеешь в виду?

Лир. Моя Корделия.

Гонерилья. Ничего не понимаю.

Лир. Та, что любит молча и честно. Моя дочь.

Гонерилья. Эдмунд, помоги.

Эдмунд. Я такой же, как ваша дочь Корделия.

Шут. А я такой же, как ты, Эдмунд. Оказывается, мы все родственники.

Гонерилья. Какая Корделия? Ты никогда не говорил о ней.

Лир. Это моя любимица. Она свила гнездышко в моем сердце и когда весь мир вокруг меня застыл глыбой льда, она одна меня согревает...

Гонерилья. Ты еще и сумасшедший.

Лир. Еще? Значит, я какой-то еще? Когда ты начала судить отца и определять его качества? Или ты родилась такой, Гонерилья? И когда я качал тебя на коленке, ты рассуждала о сегодняшнем дне? (*Показывая на Эдмунда*) Что это за человек? Где твой муж, дочка?

Гонерилья. Мой муж на троне. А это мой слуга.

Лир. Слуга твоего лона.

Эдмунд. Позвольте мне уйти.

Лир. Иди.

Гонерилья. Остайся.

Шут. Кошмар.

Гонерилья. А этот пусть уходит.

Шут. Нечестно. Двое на одного.

Лир. Пусть оба выйдут.

Эдмунд и Шут выходят.

Следующие сцены идут параллельно. Задача режиссера так их построить, чтобы они усиливали одна другую.

Эдмунд. Знал бы прикуп, жил бы не здесь...

Шут. Только тот, кто умеет догадываться, тот знает.

Эдмунд. Надоел ты мне со своими мудрствованиями.

Шут. Надоел палачу топор – пилу купил.

Гонерилья. Отец, давай поговорим трезво...

Лир. Ты бросилась следом за нами. С какой целью?

Гонерилья. С какой целью?.. Старик-отец бежит из дома поздней осенью... Какая тут может быть цель?

Лир. «Кроме любви и беспокойства за его жизнь» – забыла ты добавить. Или еще не смогла. Еще твои губы брезгают ложью. Да, это изысканное блюдо. От такой тухлятины может стошнить. Или ты уже не считаешь нужным даже соблюдать приличия в разговоре? Когда ты возненавидела меня? За что?

Гонерилья. Ты должен извиниться за свои слова.

Эдмунд. А ты не глуп.

Шут. Не могу ответить тебе тем же.

Эдмунд. Ладно, остряк. Держи две гинеи.

Подает. Шут стоит неподвижно.

Эдмунд. Здесь на домик в деревне. Или так и останешься шутом?

Шут. Между нами одно различие: ты считаешь, что все люди негодяи, а я считаю, что они комики. Поэтому тебе твои деньги нужнее. Получается, что ты хотел меня ими купить, а я их тебе передал. И теперь ты мне должен.

Эдмунд. Эй. Когда будешь болтаться на веревке, не забудь и ее насмешить. Может, она лопнет.

Шут. Между нами, выблядками, говоря, на нас идет самый лучший материал.

Гонерилья. Ты никак не хочешь меня понять...

Лир. Я только и делаю это. Но с какой бы стороны не посмотрел – везде я в дураках. Мне лицемерно врут о любви ко мне, а я во всем нахожу одно раздражение и ненависть. Похоже, что меня похоронили тут же после раздела. И мое живое присутствие мешает вам быть полными хозяйками. Ну вы уж как-то потерпите. Мне тоже хочется немного пожить.

Гонерилья. Повторяю: ты должен извиниться за свои слова.

Лир. Ты свои жидовские штучки брось! Не занимайся с отцом демагогией! Не хочешь меня видеть – не надо! Попытаю счастья у другой дочери.

Гонерилья. Ты специально сделал так. Ты специально обострял отношения. Ради Реганы. Чтобы бежать к ней. Чтобы она тебя защитила от недостойной старшей сестры. И чтобы в будущей войне за королевство у нее было преимущество. Ты – ее преимущество! Ты, ты! Ты! Дьявол!

Плачет. Лир ошеломлен.

Лир. Да я же вас люблю одинаково, дура...

Гонерилья. Нет! Ты всегда всё ей! Всё ей!

Лир. Господи, и на кого я бросил страну...

Гонерилья. Никто меня не любит! Никто!

Плачет. Лир гладит ее по голове.

Входит Мальборо.

Мальборо (торжественно). Королева Регана!

Входит Регана. Следом появляются Эдмунд и Шут.

Регана. Отец! (Целует ему руку). Сестра! (Целуются).

Гонерилья. Это Эдмунд. Ты помнишь его.

Эдмунд. Рад вас приветствовать, мидеди, в вашей процветающей стране.

Регана. Ловко.

Шут. Зачем воробей чирикает?.. Не знаете? А зачем собака воет? А король зачем жалуется?.. Значит, скоро зима и всем им крышка.

Пауза.

Гонерилья. Кому-то дано много воли.

Шут. Час назад я слышал точно такие слова от ветра.

Гонерилья. И еще, Регана. Твой Мальборо вел себя очень нагло.

Регана. Может быть, нам стоит сначала послушать отца?

Гонерилья. Думаю, тебе будет интересно узнать, что у нас появилась сестренка.

Регана. Как? Когда?

Гонерилья. Ее зовут Корделия. Судя по тому, как он восхищается ею, она не меньше, чем бургундская или французская королева.

Регана. Да что ты?

Гонерилья. А ты у него спроси, у самого.

Регана. Отец?

Лир. Скажи, Мальборо, в наше время женщины обсуждали старших?

Мальборо. Нет, милорд. Не было случаев.

Лир. И еще скажи, Мальборо, когда враг нападал на наши земли, кого защищали наши воины? Неужели самих себя?

Мальборо. Когда мой полк осадили шотландцы в Лидсе, я мог прорвать кольцо и выйти из окружения. Но мы предпочли остаться в стенах, потому что там были женщины и дети, милорд. Это не обсуждалось.

Лир. Так что случилось за двадцать-тридцать последних лет? Куда ушли благородные законы наших отцов и дедов? Или это старческое брюзжание? Мальборо?

Мальборо. Это роскошь, милорд, развратила верха и озлобила низы. Это она.

Лир. А разве плохо мягко спать? Есть красную рыбу? Пить итальянские вина?

Мальборо. Это не плохо. Но человек всегда должен быть в полуголоде, в возжелении и в полухолоде. Иначе он превращается в скота.

Лир. Спасибо, Мальборо.

Пауза.

Эдмунд. Чушь какая.

Лир. А ты ответь ему, малыш.

Эдмунд. Даже неловко спорить: настолько всё очевидно. Мягко спать необходимо – лучше высыпаться. Есть красную рыбу? А что может быть полезней? И итальянское вино сравнивать с нашим элем неприлично. Что там еще?.. Полуголод? Полухолод? Возжеление? И что это за солдат с такими неприятностями? Да пара краснорожих ландскнехтов разгонит два десятка таких вояк!

Мальборо. Вряд ли этот человек был в поле в утро битвы.

Шут. А кто кричал – кукареку? Если петухов подъели вечером, откуда узнаешь, когда начинать драться?

Гонерилья. Какой-то дурак, прости господи!

Шут. А разве я был представлен Платоном?.. Но я бы и ему щелкнул по носу!

Лир. Зачем Платону-то?

Шут. А чтоб не выебывался.

Лир. Здесь дети, шут.

Шут. Детки обычно знают такие мерзости, о которых родители и не догадывались.

Лир. И куда идет человечество?

Шут. В жопу, милорд. Через прямую кишку. Это наша судьба. Что бы там в книжках не писали.

Эдмунд. И такой человек – шут! Браво!

Шут. По правде сказать, ждешь оваций не слева, а по центру. А там ледяное молчание.

Регана. Я пойду отдыхать. Через два часа встречаемся.

Уходит.

Следом уходят Гонерилья и Эдмунд. Король Лир в свои покои и Мальборо.

Шут. Что-то зачем-то где-то случается. А что и зачем – не ваше дело.

Сцена 3.

Регана и Мальборо.

Регана. Ты думаешь – Эдмунд?

Мальборо. Уверен, миледи.

Регана. Но она ведь умнее его. Нет.

Мальборо. Ум здесь не при чем. Здесь важно чутье. А у него нюх унижения.

Регана. Чем он унижен?

Мальборо. Это такое родовое. Ему нравится быть униженным, чтобы возбуждать в себе ненависть. Он опасен, миледи, потому что имеет цель.

Регана. Какая у него цель?

Мальборо. Его дети могут стать королями.

Регана. Типун тебе на язык!

Мальборо. Они даже не скрывают своей связи.

Регана. Хорошо. Иди. И прикажи пригласить сюда Эдмунда.

Тихо говорит ему что-то на ухо. Мальборо удивленно переспрашивает. Уходит.

Сцена 4.

Лир и Шут.

Лир. Отставной козы барабанщик.

Шут. Тра-татата! Тра-татата!

Ходит по кругу, стуча в воображаемый барабан.

Лир. Стой. Раз-два. Вольно.

Шут. Есть, милорд. Армия на привале.

Лир. Ты еще помнишь, как я тебя ударил в ухо?

Шут. Такое не забывают, милорд.

Лир. Значит, тяжела моя рука?

Шут. Не изменилась.

Лир. Рука моя не изменилась. Твоя голова тоже. А всё вокруг другое. Как это произошло?

Шут. Может, мы спим?

Лир. Мне не нравится такой сон. Я только что был король, а теперь дрожащая тварь. Две девчонки прыгали у меня на плечах. А теперь они готовят для меня удавки. Когда я проснусь, шут?

Шут. Когда тебе дадут пинка. Хочешь, я расскажу тебе о вечности?

Лир. Иногда ты забавен. Но чаще страшен.

Шут. Вверху темно и внизу темно. Только ступени светятся. Тебе дают пинка и ты летишь по лестнице кувырком. И так без конца и начала.

Лир. Сгинь.

Шут. Я пошутил. Когда шут шутит, действительно получается мрачно.

Лир. Только Корделия меня спасает.

Шут. А у меня и Корделии нет. Можно один вопрос?

Лир. Говори.

Шут. Вы ни разу не спросили меня, милорд, о моей матушке. Это вам не интересно?

Лир. Я не знаю, что тебе ответить.

Шут. Да или нет.

Лир. Не интересно.

Шут. А как мне может быть интересна Корделия, которой никогда не было?

Лир. И ты с удавкой?

Шут. Когда ходят по кругу и раздают всем удавки, кто-то может понять это как приглашение.

Лир. Ты сам-то существуешь, шут?

Шут. Для кого – для тебя? Или для себя?

Лир. Регана – бесноватая.

Сцена 5.

Стук в дверь.

Регана. Войдите.

Входит Эдмунд.

Эдмунд. Да, миледи?

Регана. Какой вы высокий.

Эдмунд. Это единственное мое достояние.

Регана. Не единственное. И не основное.

Эдмунд. Не понял? Но даже немного покраснел.

Регана. Краснеть за свой ум? Вот еще новости.

Эдмунд. Но у меня не было возможности его проявить, а у вас не было возможности оценить...

Регана. Ах, Эдмунд! Разве ум проявляется в разговорах?

Эдмунд. Но не в глазах же? В глазах только страсть...

Регана. Глаза? Разве глаза не служат исключительно для обмана? И человек, не умеющий ими пользоваться, проигрывает еще не начиная играть? Нет, Эдмунд, ваш ум можно обнаружить только очень зоркому человеку. Вы прячете его в браваде, в такой усталой мужественности, которая привлекает красивых бабочек. Ваша жизнь, Эдмунд, при внимательном ее рассмотрении, говорит о вашем уме достаточно много.

Эдмунд. Не совсем вас понимаю, миледи.

Регана. Но как же? Вы сказали, что ваше единственное достояние – высокий рост. Тем самым вы подчеркнули глубину вашего ума, которая позволила вам сделать головокружительную карьеру. Или вам просто повезло? Вы ведь так не думаете? И не думаете останавливаться на достигнутом?

Эдмунд. Это ирония?

Регана. Это восхищение.

Эдмунд. Тогда как понять выходки Мальборо?

Регана. Вы считаете, что этот старик опасен? Для вас?

Эдмунд. Я о нем вообще не думаю. Много чести.

Регана. Вот видите. Я пригласила вас для того, чтобы сознаться в своей слабости...

Эдмунд. Не верю.

Регана. Мне?

Эдмунд. Вам... То есть вашей слабости.

Регана. Напрасно. Впрочем, это даже хорошо, что не верите. Иначе возникают такие сложности...

Эдмунд. А что за сложности?

Регана. Но как же? Вы становитесь свидетелем королевской слабости. Это небезопасно.

Эдмунд. Но я еще никем не стал – ни свидетелем, ни участником.

Регана. Тем не менее, вы уже и свидетель, и участник. Самим фактом своего присутствия.

Эдмунд. Ваша сестра говорила о вас, но я просто поражен...

Регана. Вам не скучно с ней?

Эдмунд. О чем вы?

Регана. Все о том же: о своей слабости и вашем уме. Мне не хватает мужской руки и особенно мужского ума в делах. Все-таки власть это не женское дело, вы согласны?

Эдмунд. Власть – не совсем женское дело, я бы сказал. Но ваш муж...

Регана. Это наше семейное несчастье. Как вы знаете, супругов нам подбирал отец по принципу дополнения – и к нашим властным характерам были приспособлены два тюфяка. Теперь вы понимаете?

Эдмунд. Нне совсем...

Регана. Но как же! Наш отец разделил королевство на две части с тем, чтобы они расширялись в три стороны света: на юг, на восток и соответственно на запад, и на север. Потому что большое государство не потому большое, что им правит тиран или ему просто повезло, а потому что им правит мощная династия. Вы согласны с этим?

Эдмунд. Разумеется.

Регана. И я перехожу к главному: я предлагаю вам стать отцом двух династий.

Пауза.

Регана. Я непонятно выразилась?

Эдмунд. Мм...

Регана. Ну, хорошо. Если вам это необходимо обдумать, то получите хотя бы удовольствие.

Начинает освобождать Эдмунда от одежд. Эдмунд сопротивляется, но довольно вяло. Вскоре он уже лежит, а под ним лежит Регана.

Входит Гонерилья. За ее спиной Мальборо.

Гонерилья. Бог ты мой! Регана! Зачем ты это делаешь?!

Регана. Как я могу что-то делать, если на мне лежат?

Гонерилья. Боже... Я отсеку ему голову! Сволочь! Если ты за минуту не оправдаешься, ты труп!

Эдмунд поспешно одевается.

Эдмунд. Это заговор...

Гонерилья. Штаны спустили тоже заговорщики?.. Время идет!

Эдмунд. Она сказала, что нужны две мощные династии...

Гонерилья. И это задумал мой отец? Ты ведь так говорил?

Эдмунд. Не в том дело! Меня подставили! Она меня уболтала!

Гонерилья (Регане). У тебя можно попросить в долг палача?

Регана. Нет уж. Разбирайся сама.

Эдмунд (падая на колени). Ваше величество! Миледи! Гонерилья, я не виноват!

Гонерилья. Даю еще тридцать секунд.

Эдмунд. Она меня пригласила сама!

Гонерилья. А мне об этом не сказал. Еще один пункт. Здесь, я чувствую, не обойдется одним колесованием.

Эдмунд. Миледи! Вас привел ваш враг Мальборо!

Гонерилья. То есть, если бы он меня не привел, ты бы на ней не лежал, к тому же еще и без штанов?

Эдмунд. Но сам факт сговора!..

Гонерилья. Да, Мальборо сказал, что королева Регана ждет меня... Зачем?

Регана. Мы должны договориться об отце.

Гонерилья. И?..

Регана. И тут он меня (*вздыхает*) потащил.

Гонерилья. Сволочь! Гад! Блядь подзаборная! За всё, что я для него сделала! Выблядок!

Эдмунд (*одет, наконец*). Она хочет, чтобы меня обезглавили, тем самым обезглавили вас, миледи. И ваше королевство волеется в ее королевство. Я говорил, что всё не просто.

Гонерилья. Может, у вас давно это? Иначе зачем ты меня потащил за этим сумасшедшим стариком?

Эдмунд. Этого у нас не было...

Гонерилья. А!.. А что же было, если этого не было?!

Эдмунд. Мы едва знакомы! Я на коронации был в седьмом ряду!

Гонерилья. Из седьмого ряда подняли, почистили, отмыли.

Регана. Ты всё время пытаешься представить это дело как историю Тристана и Изольды. А была попытка изнасилования королевской особы. Ладно, дам я тебе палача.

Эдмунд. Да вы что?! Вот так сестрички! Может, вы еще кровь пьете?

Гонерилья. Надо будет – и выпьем. Твоей я уже упилась.

Эдмунд. А. Я знаю, кто всё подстроил. Он. (*Показывает на Мальборо*). За все время ни слова не проронил. А почему? Потому что всё идет так, как он задумал. Допросите его с пристрастием, ваше величество. И многое узнаете. Еще и короля Лира можно пригласить. Вы просто ахнете, когда узнаете, как эти беспомощные старые люди умеют строить козы.

Гонерилья. Его-то я без допроса повесила бы. А отца послушать не мешает. Заодно решим, как с ним дальше быть.

Регана. Зови.

Мальборо выходит.

Регана. Пусть этот уйдет.

Гонерилья. Выйди, Эдмунд.

Эдмунд, помешкав, выходит.

Регана. И – что? Уже не так обидно?

Гонерилья. Предлагаю обмен.

Регана. Мальборо я не отдам.

Гонерилья. Плевать на Мальборо. Что будем делать с отцом?

Регана. Ты знаешь, я люблю иногда спускаться в подвалы, где допрашивают, но тут мне не по себе... Что значит: что делать? Это отец и он будет жить так, как пожелает.

Гонерилья. А он еще лет двадцать протянет.

Регана. Если у тебя с ним не сложилось, пусть живет у меня.

Гонерилья. А! Прав был Эдмунд.

Регана. В чем?

Гонерилья. Да так... А если, допустим, у тебя осень и зима, а летом у меня?

Регана. Ты что, боишься, что я на тебя летом нападу?

Гонерилья. А ты уже об этом думала? Ага.

Регана. Я шучу. Разве не видно?

Гонерилья. Не видно. Договорились. Пусть зиму у тебя, а весной я его заберу. И приготви бочку соли.

Регана. Зачем?

Гонерилья. Для головы Эдмунда. Будешь иногда целовать его в губы.

Входят Лир и шут.

Гонерилья. Этого дурака можно было не брать.

Шут. Ничего. Мне не страшно.

Регана. Отец, мы с сестрой поговорили и решили: сейчас ты едешь ко мне, а в марте возвращаешься...

Лир. Как это – вы решили? Как вы могли решить без меня? Или я чей-то пленник?

Гонерилья. Она не так выразилась. Мы предлагаем тебе, чтобы не наскучить, жить по полгода там и там. Как и обещали.

Лир. Но обещали от избытка любви. А сейчас через силу.

Регана. Но это уже слишком! Я не люблю лицемерить и любить по заказу! Как могу.

Лир. Это текст Корделии.

Регана. Что? Какая еще Корделия? Я думала, что это шутка. Ты действительно сошел с ума?

Лир. А вы спросите у моего шута, действительно ли я.

Шут. Так все думают, что ум это тележка. Но разве сойти с тележки это большое горе? Что хорошего: трястись по ухабам? Когда вокруг растут кусты шиповника, тяжелые липы вдалеке. А вот травка желтого зверобоя. И рядом пахучая мята. А в тележке возят на казнь, дорогие девочки. Я же вам бабочек приносил и жучков, когда вы так делали: гули-гули!

Гонерилья. Вы хотите нас перевоспитать, что ли? А вы знаете, что я делаю минет с одиннадцати лет и по собственной воле? А однажды меня отодрали четыре конюха. Мне было четырнадцать. Гули-гули! А хули-хули не хотите ли?

Лир. Ты больна, Гонерилья!

Гонерилья. Но не гонореей, папа. Я больна ненавистью к миру. Я ненавижу это тупое подлое стадо. Этих трусливых и жадных предателей. Этих самодовольных кретинов, рассуждающих о боге и морали. А сегодня меня предал мой единственный друг. Будьте вы все прокляты!

Уходит.

Регана. Немая сцена. (*Вздыхает*). Надо же. Даже я не догадывалась. Хотя сама хороша... Ну, что, отец? Поехали? Эх, год дэм саназибич. Что значит: конец фильма.

Лир. Мне оставалось еще шестнадцать лет жизни. Все их я провел у Реганы. Она была веселая и крепкая девушка. Одно плохо: все ее дети умирали до года. Муж ее был вял и рассеян. Когда он получил от Гонерильи бочку соли с головой Эдмунда, он немного тронулся умом. У нас любят называть кого попало чокнутыми. Так вот муж Реганы был настоящий чокнутый. Тихий и добрый человек.

Он и записал эту историю.

А у Гонерильи родился сын, походий на Эдмунда. И именно он был первым из Тюдоров.

Я забыл сказать о Шуте. Он попал под грозу и был убит молнией, поскольку был славянин и верил в Сварога.

Старосветские помещики. Шинель

По мотивам повестей Н.В.Гоголя

Старосветские помещики

Премьера в ТЮЗе (Петербург)

Действующие лица

Афанасий Иванович

Пульхерия Ивановна

Николка

Две фигуры, еще достаточно крепкие, посреди Малороссии. Цветет вишня, синенькие наливаются, куры квохчут, гуси гогочут, девки орут.

Пульхерия Ивановна щупает стул.

Пульхерия Ивановна. Это вы продавили стул, Афанасий Иванович?

Афанасий Иванович. Ничего, не сердитесь, Пульхерия Ивановна: это я.

Садится.

Афанасий Иванович. А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь.

Пульхерия Ивановна. Чего же теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых?

Афанасий Иванович. Пожалуй, хоть и рыжиков, или пирожков.

Пульхерия Ивановна приносит ему старинную серебряную чарку водки. Афанасий Иванович выпивает, ухает. Затем закусывает.

Афанасий Иванович. Теперь как будто сделалось легче.

Пульхерия Ивановна занимается домашним хозяйством: запирает и открывает кладовые, переставляет соленья и варенья, помешивает в медном тазу желе.

Афанасий Иванович, сидя на стуле, кротко наблюдает за супругой.

Афанасий Иванович. А что, Пульхерия Ивановна, если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?

Пульхерия Ивановна (крестится). Вот это Боже сохрани!

Афанасий Иванович. Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда бы мы перешли тогда?

Пульхерия Ивановна. Бог знает, что вы говорите, Афанасий Иванович! Как можно, чтобы дом мог сгореть: Бог этого не попустит.

Афанасий Иванович. Ну, а если бы сгорел?

Пульхерия Ивановна. Ну, тогда бы мы перешли в кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимает ключница.

Афанасий Иванович. А если бы и кухня сгорела?

Пульхерия Ивановна. Вот пусть Бог сохранит от такого попущения, чтобы вдруг и дом, и кухня сгорели! Ну, тогда бы в кладовую, покамест выстроился бы новый дом.

Афанасий Иванович. А если бы и кладовая сгорела?

Пульхерия Ивановна. Бог знает, что вы говорите! Я и слушать вас не хочу! грех это говорить, и Бог наказывает за такие речи.

Афанасий Иванович, довольный тем, что подшутил над Пульхерией Ивановной, улыбается.

Пульхерия Ивановна. Спрашиваю я у Нечипора: Нечипор, отчего это у тебя дубки сделались так редкими? Я ж еще с детства помню те столетние дубки. Гляди, говорю я ему, чтобы у тебя волосы не были редки.

Афанасий Иванович. А что Нечипор?

Пульхерия Ивановна. Пропали! Так-таки совсем пропали: и громом побило, и черви проточили – пропали, говорит, пани, пропали.

Афанасий Иванович. Из лесу можно наделать множество саней и продавать их на ярмарке. А еще можно толстые дубы продавать на сруб для мельниц соседним козакам.

Пульхерия Ивановна. Как же они могли пропасть, если они двести лет не пропадали?

Афанасий Иванович. А все же много несчастий случается. Что бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?

Пульхерия Ивановна. Чего же бы такого? Разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?

Афанасий Иванович. И то добре.

Пульхерия Ивановна. Или, может быть, вы съели бы киселику?

Афанасий Иванович. И то хорошо.

Звук подъезжающей брички. «Тпррр!» – кричит кучер. По крыльцу и в коридоре звучат молодые бегущие шаги.

Афанасий Иванович. Кто это приехал к нам такою позднею порой?

Вбегает Николка.

Николка. Здравствуйте, бабушка! *(Целуются.)* Здравствуйте, диду! *(Целуются.)*

Пульхерия Ивановна. Как можно такою позднею порою отправляться в такую дальнюю дорогу?

Николка *(легкомысленно).* Это вы называете три версты дальней дорогою?

Афанасий Иванович. Конечно! Неравно всякого случая: нападут разбойники или другой недобрый человек.

Николка. Я только повидаться приехал, и тут же назад. Вот и кучер сидит в бричке, ждет меня.

Пульхерия Ивановна. Пусть Бог милует от разбойников! И к чему рассказывать этакое на ночь. Разбойники не разбойники, а время темное, не годится совсем ехать. Да и кучер твой, я знаю твоего кучера, он такой тендитный да маленький, его всякая кобыла побьет. Да притом теперь он уже не сидит в бричке, а уже, верно, наклюкался и спит где-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.